

"Королевское лето"

Фрагменты из новой книги

1

...— Ты стал всех нас слишком жадно и нехорошо слушать. Особенно меня. Почему я должен это рассказывать тебе? Почему именно тебе?

— Ты действительно все должен рассказывать именно мне...

— Но почему? Почему тебе?

— Потому что ни в ком это так не застрянет. Я слушаю тебя не просто внимательно. Я впиваю твои рассказы. Я становлюсь тобой, когда ты рассказываешь. Я сам рассказываю себе, когда ты говоришь. Я — твой рот. И ты напрасно волнуешься. Все это во мне застрянет, будь спок. Как ни в ком. Никто так не схватит обеими руками на лету твою жизнь, как я. Только во мне щепочка твоего рассказа (твоих рассказов) начнет обволакиваться нежным гноем искусства... Она почти съедобна, почти вкусна. Грех ее выбрасывать. Твои занозы я превращаю в тело своего рассказа. Пусть застревают. Застрянет то, что нужно. Здесь я не властен. Они поселяются во мне, в моих тканях, нарывают, нагнаиваются, твоя лимфа идет на мой эпителий. Происходит метаморфоза. Происходит странное. Начинается цветение подробностей...

И моя кровь разносит их дальше, в самые сокровенные места. Это уже не ты. Это я. Ты преображен, претворен — ты уже стал "другое". Не обижайся.

Здесь не моя заслуга. И не твоя вина. Так получается. Я просто отзывчив на твои щепки. Во мне болит твой зуб. Представляешь? Я этого хочу. Я прикусываю десну, прижимаю ее к болящему зубу — радужный мост боли опоясывает мои десна теплой, пульсирующей шиной. И этот соленый, сладкий, саднящий зубчик — уже мой. Я люблю его. И так просто я его не отдам.

...Так назревает скандал. Дождь. Горячий тропический ливень. Зреют яблоки — уже мои. Там твоя косточка, но моя мякоть. Тело моего расска-

за. Моя сладостная плоть. Можешь ее покушать. Я ее поливал, но мне не жалко. Ты понял? Так что твоя косточка не пропала.

...Попробуй теперь сказать, что я плохо поступил...

...Я не понимаю, что происходит. С некоторых пор у меня не стало покоя. Все стало зыбким. Не стало уютно в душе. Вечер стал гулять там... Зябко стало, свежо. Ночные звезды лихорадит на ветру, и созвездия ведут куда-то не туда... Что-то лопнуло. Где-то заело стрелку. Небеса дали трещину. Стало темно, я заблудился. "Мама, где ты? Ребята, подождите... Куда же вы?"

Почему так вдруг стало? Почему было так хорошо раньше и стало так плохо теперь? Объясните мне мою ошибку, мою опisku, промашку, кикс, клякс, не ту ноту... Я исправлю. Если я допустил... Я клянусь. Мы все наладим. Сообща. Помогая друг другу. Жалея. Еще можно. Еще не поздно. Если взяться, если приналечь...

2

...Потом я вспомнил.

Когда сырые влажные корочки весны нежно отклеивались от старых крепостных стен, и ветер нес облака над бульваром, а у магазинчика керамики, у "Оksamита", сладко грелись на корточках, до треска натянув тугие джинсики на яйца, братья-художники, друзья фонда и Лувра, и в бороденках их гулял ветер (весна!) — и солнышко свивало паутинку в лиловых капиллярчиках в забубенном носу, а в сером зимнем свитере грубой вязки похожий на викинга седеющий Сыч показывал рукой на погоду, и некий Суля покупал из-под полы у знакомого флейтиста киноварь и охру по сходной цене, а Маринюк нес листы показывать Шуне, — Хрущик сплевывал на чистую одесскую мостовую застоявшийся зимний харчок, говоря при этом: "Всюду, блядь, поебень... пора менять макулатуру на Микеланжело...". А в это время Дюльфик гипнотизировал продавщицу с озябшими ляжками — шириной груди и бицепсов и смелостью портрета, а Стрельников, похожий на Вэна Клиберна, уносился по диагонали в синюю холодную Дерibasовскую ввысь — в это самое время Барыгин сосал мокрую лапу, и Игорек чистил штиблеты и драил плащ, выходя на прогулку из теплого продавленного дивана, светя лучом зуба... — в это самое время под прохладными и замшелыми коридорами училища громили выпускника, ногами намалевавшего дипломную работу голландской сажей свежим мазком, а местных аборигенов с прыщавы-

ми лбами и потными подмышками ласкали, модерниста же никуда не пустили и загнали обратно в имени Грекова академию училищ, — в это самое время творилась легенда: возводили писсуар нового ресторанного комплекса "Братислава".

...А наверху, в подоблачной синеве, балансируя на парапете между жизнью и смертью (между фондом и Лувром), шел Шура Ануфриев закалять гипсовую плиту, покрывать глазурью керамическое небо. Роняя белые статуэтки святых на головы прохожих... И оформлял банкетный зал, негодуя на Штигельмана, Рихтер... а Миша в это время говорил:

"Штигель с людьми говорит, как в дерьмо вступает... это у него такое уемое, скользящий стиль... и кто тебе сказал, что у Артура испанская борода? Ничего подобного, обыкновенная черная изморозь на морде... и Павлов не Ницше, и Гриша не маэстро, зато Дюльфик — Каневский..."

...Бездомные поэты читали стихи в баре на Пушкинской и сочиняли дикие афиши. Апельсинные корки ронял с третьего этажа мальчик, и ярким весенним поносом гадили с деревьев птицы... К вечеру в алые винные погребки спускались бледные тела озверевших от трезвости богемцев, чтобы через час взойти спелыми газовыми головками и дымными фитильками осветить вечер...

3

...Между тем Хрущ, год увлеченно строга инкрустированный шкафчик для Мили, сгорбившись над изделием, слегка заикаясь, го-

ворил: "Г-глупость это, конечно, дар Божий, но нельзя же ею злоупотреблять..."

...Кто только не приходил тогда в их общую с Викой квартиру на Новорыбной, 18! Кончалось одесское лето, влажная ночь, как антилопа, ходила по городу. Огромная спелая луна подымалась над Отрадой. С теплого моря, по-русалочьи хохоча, выбегали купальщицы... Какой-то тип, стоя над обрывом, мочился под луной в Понт Евксинский. Толпа озаренных придурков бродила по пляжу и прилегающим мостовым и окрестностям... Никто не спал в эту ночь, все было пропитано чистым запахом моря, рыбы, песка, соли и тумана... Во дворе на Канатной, где жила тогда Маша Марусенко, уже совсем стемнело, зажглись звезды. Под открытым всему миру небом играли в шахматы. Толик Гланц, проигрывая партию Гаррику Гордону, слегка опечалился, но лица не терял. И говорил, меланхолично теряя фигуру: "Ты взял у меня коня. Теперь я стал бесконечным..."

Над Молдаванкой коптил старый, выдавший виды месяц...

Только тут, только в тихой квартире Мишеля, я могу осознать и эстетически освоить это безумие мира за окном. Оно меня не раздражает, я защищен, я им владею — остается только опрокинуть все это на бумагу... Чай. Тепло... Книги. Несколько картин. Папа. Варенье. Запахи ушедшего лета. Тихое кипение жизни... Зеркала. И становится понятно, что же не есть жизнь...

...Осень, дождь, церковь... Март. Любимая, только ты, только ты.

Никто больше, никого больше. Где ты? Люблю тебя. Люблю... Месяц тонкий, слезящийся.

...Ночь, Питер. Ломкий лед, хруст луж осенних. Луна. Дача в Озерцах... Люда в черном платье. Шаль, зябнет. Печальна. Любовь... Деревянные комнаты, где рассыхается рояль... Утро. Беф-Строганов (стран-гинаф) с полотенцем на шее. Антично облокотясь, спрашивает или говорит по телефону: "Вас внимательно слушают...". Он что, гомик?.. Скажешь тоже. Как-то похож. Хотя я лично не видел. Разве что в анекдоте: "А зачем вы ходите в наш садик?". Помнишь? Матрос Нина. Это еще в 60-х, на углу Дерibasовской и Карла Маркса, в полосатой тельняшке... Пудрил розовые плечи.

...А потом ночная электричка. Ночевка на станции, Оля. Поезд за окнами. Какая-то деревянная кровать, зима. Пуховое одеяло. Грохот поезда в окне... В одной постели, спим как дети...

И наши разговорчики с ним спустя год:

— Я прожил жизнь идиота... Я поступал, как идиот. Но у меня были способности. Несомненно. Способности идиота...

А он мне говорил потом: "Я стою на верном пути. Но я на нем СТОЮ... И в этом все дело".

4

В деревне

Сон в весенней деревне... цветущие, теплые вишни. Клейкие стволы. Пчелы, облетающие зрелую землю. Лето созрело. Булькотень молока... Тепло!.. Зрелое гуденье пчел. Гуд... Утро. Голуби...

Синее небо, радость. Мед... Жизнь.

— Ты уже встал, Гедали?

Это мама. Мама спросила и вышла в деревянную дверь — в солнце, и исчезла, унесенная солнечным ветром... Она сама стала светом. Где я был? Я спал под пахучим деревенским пододеяльником и совершал бессмысленный полет в узорах обоев. Узоры пульсировали и держали меня крепко.

— Ты уже встал, Гедали?

Мама ушла, оставив эту поющую фразу в хате, и она повторилась. Меня спрашивал мамин голос. Я уже встал. Гедали — это я.

Я, ослепший в прохладном полумраке деревенской кровати, откинувший козлиную шкурку одеяла, ослепленный смуглым блеском своего дет-

ского тела. Я, согреваемый вечным, бессмертным библейским огнем моей бабушки Мирл. Я проснулся. Смуглый отрок с тонкой еврейской кожей и потрясенным скелетом. Тонконогий курчавый ингеле⁷ встал горячей от сна стопой на деревенский пол...

Оставляя жидкие морщинистые кизяки на утренней земле, в глубь двора уходила корова. Вишневые столы горели на солнце... Белье улетало в синее египетское небо... У моего глаза, потрескивая, как на огне, сидела стрекоза.

— Маня, увизьмить свое видро, он уже полный!

Это бабушка Мирл.

— Гедали уже встал?

Я беру стрекозу за твердое бестрепетное крыло, с трудом отдираю ее от своей головы, смотрю в выпуклые, неземные глаза, в которых ключевой холод; она выгибает горячее длинное тело в пластинках, присасывается к самой себе... Я ее отпускаю, и она, подумав, летит в огороды. В полете я вижу, что у нее голова в скафандре...

— Ты уже встал, Гедали?

Я уже встал...

5

...Мифы. Я творю миф своей жизни (миф о своей жизни)...

Детство без отрочества, юность.... Сны. Молдаванка. Грезы провинции... Юг, лето. Грозовое послевоенное лето... Жара. Каски цветут в полях... Жирные стрекозы. Танки. Запах железа. Сухое лето в деревне... Ливень в городе. Клекот свежей воды из-под крана... Вот он, мой миф. Молдаванские крыши, домики, мансарды. Лошади, площадчники... Шагал и Матусевич. Шурочка Рихтер... Мамуля. И гнилой, светящийся сумасшедший зуб Савлова... Зуд. Гирш в собственном соку. Которого голыми руками не возьмешь... А взять надо. Иначе он возьмет тогда тебя. Павлов изловчился... Нет, не дается Гирш...

Миф. Мифотворчество. Сны... Лиловый цвет катастрофы. Летние сады. Ночные дозоры. Осыпается акация. Мерещится летняя буддийская Москва. Мандельштам.

...Цветущие крыши. Примусники. Резерфорды с синими пороховыми черепами... Толя. Ночные сумасшедшие... Плоть. Гений. Кариатиды. Ночное море... Пыльные вишни в саду. Цветы, одуряющий запах гвоздики (белой). Початая бутылка шампанского. Купание в ночной воде... Юра о

⁷Ингеле — мальчик (евр.)

кинематографе. Дюльф. Солнечные порталы. Одесский Рим. Театр, подцветка, ворох платьев, Дега...

Ноги девочек. Проститутки Привоза... Стихи. Кошачьи набеги. Дерьмо. Цветут туалеты. Ночь. Мотоцикл. Бензинные спазмы мотора. Вонь отработанных газов... Звери в пустом зоопарке. Ночной зоопарк подобен тюремной больнице...

Гейне и Гете. Весна... Утреннее просыпанье. Птицы. Утро, освистанное птицами...

"А скажи, зачем ты свещешь
В этих розовых горах?
"Просто так", — ответил муж
И тщеславный и тактичный,
Расправляя тростью лишний
Завиток, что сделал плющ..."

И был таков. Это у Толика Гланца.

А это уже — Аллочка Марголина. Алиса. Алиса Марго:

"Провинциальный русский гений
С еврейской гибкою душой,
Протер костяшками коленей
Кулисы сцены небольшой..."

Дальше я не помню. Надеюсь, это обо мне...

"Кто он был? Расплакавшийся гений
Или исхудалый наркоман?..."

Это опять Толик. О многих из нас. О некоторых из нас... О лучших из нас.

Рисунки автора

Чао, Антонио! или Поезда моей жизни

Он не любил мое рыжее женское жерло. Не было у него ни любопытства, ни страсти. Но любовью занимался он со мной безупречно. С первого дня. Мы узнали друг друга или, скорее, встретились и так никогда и не узнали друг друга, в поезде Москва-Таганрог. Сначала он был неутомим. Но очень скоро перестал мне дарить свои ласки. Затем перестал любить мое тело. И вот уже без радости реагировал на мои исступленные ласки.

В своем скрытном доме предметы, мне принадлежащие, он хранил в комнате для мусора. Ну, да! Это вовсе не шутка. Честное слово! Одна из пяти комнат оставалось всегда таинственно запертой. Я открыла ее присутствие спустя год нашего квазисожительства. Да, вот уже год как я курсировала между Россией и Италией. Поистине маятник любви.

Как-то он запер меня на целый день. Может быть, забыл, что я никогда не имела ключей от дома, даже в качестве гостя. Может быть, хотел запереть себя по ту сторону моего бродяжьего бытия. Может быть, он хотел запереть мне рот, забывая о моем пищевом естестве. Может быть, он желал меня в качестве вещи. Женщина-вещь. О которой мечтает каждый мужчина. И даже не по секрету. Когда он не мечтает о женщине-королеве. Но сейчас у мечты на очереди дети: они невинны. Более того, собаки: они молчат. И всем детям, собакам, кошкам *недостает лишь речи*, говорят эти господа, и глаза у них при этом влажнеют. Но женщины, вот беда! они перестали молчать. И теперь мир полон наводнений, землетрясений и прочих катаклизмов. Под знаком всеобщего терроризма. Наверно, это и есть Потоп новой эры.

Я страдаю клаустрофобией с детства. Итак, весь день взаперти — он вернулся на редкость поздно, почти что в полночь — я пребывала в состоянии смертельной затравленности... Я все отлично помню. Кружилась голова. Поднялось давление. Сердце стучало, как поезд. В солнечном сплетении — кулак боли. Едкий запах пота, вызванный страхом, заражал небольшое жилище, приводя меня в такое же смертельное смущение. И вот уже пожар сжирает меня. Я бросаюсь с тринадцатого этажа. При этом за миг до этого я толкаю запретную дверь. Вот те кино! Я вздохнула с облегчением: неожиданное пространство расширяло мои возможности выживания. Его освещал розовый абажур с синтетической бахромой, в которой терялась убогая лампочка. Она бросала зловещий свет на странный пейзаж или, вернее, на тотальный натюрморт.